

Вырезка из газеты

СОВЕТСКАЯ ЭСТОНΙΑ

г. Таллин

8 - 1700 1984

Сейчас много говорят и пишут о дефиците доброты. Что она, как правило, бывает беззащитна, пасует перед человеческой злобой. Предлагается такой вариант: добро должно быть с кулаками. Но многие резонно возражают: какое же это добро — с кулаками? Словом, в истолковании этих категорий пока много неясного, путаного.

Вот, например, я — руководитель коллектива. Наказываешь подчиненных за проступки — приобретаешь репутацию человека злого, жестокого. Стараешься быть к людям добрым — тебя перестают уважать за мягкотелость.

Хотелось бы прочесть на страницах газеты высказывание авторитетного человека, который мог бы внести ясность в непростой вопрос: что же такое доброта и каков сегодня ее потенциал в формировании морального кодекса нашего общества?

Фамилии своей под этим письмом не поставил, потому что не знаю, как будет воспринят в моем коллективе этот публично высказанный вопрос.

ЧИТАТЕЛЬ.

УВАЖАЕМЫЙ читатель! Несмотря на анонимность вашего письма, отдел пропаганды и Справочное бюро «Советской Эстонии» отнеслись к нему очень серьезно.

Правда, вы как бы не разграничиваете добро и доброту. А ведь эти слова не являются синонимами. Но **ПОНЯТИЯ** стоят, что называется, впритирку. Потому и мы решили говорить о них «слиптно».

Мы живем в бурный век, и чем сложнее становится жизнь общества (а следовательно, и взаимоотношения людей), тем важнее определить критерии, на которые должен ориентироваться человек, так сказать, программно и в обыденной повседневности, сталкиваясь с противоречиями, которые неизбежно порождает жизнь даже в нашем социалистическом обществе.

Долго думали: кто мог бы ответить на ваши непростые вопросы, чье слово прозвучало бы весомо?

Вероятно, нет надобности доказывать, что человеколюбие — это суть литературы и искусства. Мы выбрали одну из могучих ветвей древа искусства — театр.

Георгий Александрович ТОВСТОНОГОВ.

Вопрос (точнее вопросы) читателя, с которыми меня ознакомила редакция «Советской Эстонии», очень трудные, сложные, в однозначные ответы не укладываются. Но именно потому, что я задавал себе их не раз, много думал над ними, попробую поразмышлять на предложенную тему. И не только как постановщик многих и многих спектаклей, решающих извечную проблему добра и зла. Но в первую очередь, как руководитель большого и сложного коллектива.

Автор письма сетует: караешь виновных — тебя обвиняют в жестокости. Но не может ведь человек, которому доверено возглавить какой-то участок работы, попустительствовать безответственности. Так недолго и дело загубить.

Позволю себе рассказать, как пришел в ВДТ. Практически это был разрушенный коллектив, с очень слабой труппой (исключение составляли несколько старых талантливых актеров, таких, как В. Полицеймако, О. Казико, В. Сафронов, А. Ларионов и некоторые другие).

Я понимал, что с этим составом ничего сделать не смогу. И, быть может, впервые в истории советского театра выговорил себе право освободить труппу от акте-

Ибо он испокон веков был великим коллекционером характеров во всех их модификациях и столкновениях, и любой спектакль, в конечном счете, так или иначе сводится к теме противоборства добра и зла.

Так мы пришли к мысли обратиться в БДТ — «один из наиболее серьезных и внутренне несуетливых наших театров» (по оценке маститого советского критика).

Поделиться своими размышлениями о потенциале доброты согласился главный режиссер Ленинградского академического Большого драматического театра, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий, народный артист СССР, доктор искусствоведения

ров, которые театру были не нужны. Сделал это в первые же дни. Потому что понимал: если приступлю к работе, лично познакомлюсь с этими актерами, я уже чисто по-человечески произведу такую акцию не смогу. Сидел в зале, смотрел спектакли, оценивал актеров только профессионально. Через некоторое время я уволил 36 (!) из 85 актеров. Быть может, кто-то попытается поймать на слове: что же, дескать, Товстоногов считает, что... цель оправдывает средства? Конечно же, я не исповедую эту доктрину Маккиавели.

Здесь иная мера вещей. Все дело в том, какова цель, и до какой черты можно идти, выбирая средства для ее достижения.

Так вот, цель была одна: создать полноценный художественный коллектив, способный нести высокую гуманную миссию советского театра.

А средства? Наверное, следует принять во внимание, что абсолютно все уволенные были, как теперь принято говорить, «трудоустроенны», а если попросту, всем им нашли работу в соответствии с их способностями, возможностями.

Приведу еще такой пример. Вот приходит ко мне уважаемый драматург. Уважаемый не потому, что на-

писал много хороших пьес. Просто это человек почтенного возраста, интеллигентный. Вижу, что он всю душу вложил в свою пьесу, быть может, по ночам не спал — все писал. Вот я и начинаю выискивать крупинцы хорошего в плохой пьесе. На хорошем акцентирую, о недостатках говорю помягче. Советую, что и как переделать. Хотя сам убежден, что переделать он ничего не сможет по той простой причине, что

руководитель исходил хотя бы отчасти из личных симпатий или антипатий, если тут сыграли какую-то роль злопамятность, соображения конъюнктурные, желание кому-то угодить или «порадовать родному человеку», — такой поступок сразу становится безобразным. На него не имеет морального (да и формального) права ни один руководитель.

Вот так, мне кажется, мы и подошли к вопросу: нужны ли добру кулаки? Кулаки — нет! Добро и кулаки — понятия взаимоисключающие. Но добро, доброта «в одиночку» не ходят. С ними рядом, плечом к плечу идут честность и справедливость.

Ни один поступок не может считаться добрым, если он идет вразрез со справедливостью, не освещен истинной честностью.

А с тем, что в мире нынче ощущается острый дефицит доброты, согласен. И вряд ли такое понятие, как доброта, нуждается в особом похвальном слове. Само собой разумеется, что доброта — прекрасное свойство души человеческой. На мой взгляд, свойство генетическое, врожденное. Человек либо добрый, либо злой. Впрочем, я в этих вопросах специализировать себя не считаю. Допускаю, что определенная система воспитания (с раннего детства) может развить у человека стремление к доброте, способность это стремление реализовать. И все же, по-моему, это вопрос личных принципов. И я не знаю рецепта, как эти сугубо личные принципы трансформировать в общественное явление.

По-моему так: можешь помочь человеку — помоги. Обязательно! Я, например, могу снять с роли даже любимого артиста, если вижу, что роль у него не пойдет. Но если от меня что-то зависит в вопросах личной жизни, то всем, от мала до велика, от ведущего артиста до машиниста сцены, чем могу, стараюсь помочь. А как же иначе? Если люди друг другу не помогают, не согревают теплом доброты, жизнь становится трудной, оскудевает, теряет свои яркие краски.

Известно: зло рождает зло. А доброта — доброту? Увы, не всегда. Но, наверное, истинная доброта в том и состоит, что не ждет вознаграждения. Бывает и так, что в ответ на добро люди платят злом. Объяснения тому, сколько ни думал, найти не могу.

В заключение скажу: высоко ценю доброту человеческую. От всех нас вместе и от каждого лично зависит, будет ли восполнен дефицит доброты, повысится ли ее потенциал в жизни нашего общества.

**Записала беседа
С. СТАВИЦКАЯ.**

ОТ РЕДАКЦИИ.

Наверное, было бы более, чем странно, если бы, встретившись с Георгием Александровичем Товстоноговым, мы не коснулись вопросов, связанных непосредственно с жизнью театра вообще и ВДТ в частности.

Эти вопросы были заданы. Интервью с Г. А. Товстоноговым будет опубликовано в одной из подборок «В мире творчества».